

Без сомнения, первое впечатление Цунаёши Савады о Камилле было из рук вон плохим.

А вот то, как обыкновенный парень со стандартными вкусами — любящий нежных, милых девушек с лучезарными улыбками — умудрился превратиться в несчастного бедолагу, без ума влюбленного в красивого мерзавца вроде Камиллы, — это уже совсем другая история.

Как бы то ни было, Цунаёши никак не ожидал встретить его сегодня. Ещё пару дней назад он, по привычке разглядывая в окне золотое око в небесах, гадал, когда же свыше снизойдёт очередной аватар, — и вот, пожалуйста.

Камилла развалился на диване. На его плечи было небрежно наброшено чёрное пальто, под которым виднелся просторный костюм — слава богу, страсть к нудизму у него наконец-то прошла, хотя он по-прежнему признавал только свободные вещи и буквально бесился от любого тесного покроя. Длинные серые волосы беспорядочно рассыпались по плечам. Закинув ногу на ногу и совершенно позабыв о приличиях, он почти полностью утонул в мягких подушках. Но даже сквозь эту небрежную челку его золотые глаза сияли так ярко, что, казалось, заливали всю комнату ровным тёплым светом.

Стоивший рядом мужчина с серебристо-пепельными волосами и багровыми, как кровь, глазами благоговейно протягивал ему блюдо с жареной курицей. Один черт знает, как ему удавалось совершать это простое действие с таким священным трепетом — словно на подносе лежала не истекающая соком, покрытая глянцевой корочкой птица, а чаша со святыми дарами.

Цунаёши знал этого человека. Андре Жид, некогда возглавлявший европейскую организацию одарённых «Мимик». Стоило ему встретить Камиллу, как все уцелевшие бойцы превратились в его преданных фанатиков. Умереть ради своего божества или даже стать его пищей они почитали за величайшую милость.

К счастью, людоедством Камилла не страдал. Зато он бредил двумя конкретными людьми: один был беловолосым с ярко-розовыми глазами, второй — черноволосым с серебристым взглядом. Камилла твердил, что жаждет поглотить их, но сколько бы Цунаёши и Андре ни прочесывали мир, людей с такими приметами попросту не существовало.

Оставалось лишь признать: те, на кого положил глаз Камилла, действительно должны быть кем-то из ряда вон выходящим. Была, конечно, вероятность, что он сам их где-то прятал, но, судя по тому, как у него текли слюнки при одном лишь упоминании этой парочки, это едва ли соответствовало истине. Сдерживать свои порывы Камилла никогда не умел.

Приняв подношение Жида, гость без лишних церемоний принялся уплетать угощение прямо в приемной Цуны. Роскошная, изысканно обставленная комната тут же пропиталась густым ароматом жареного мяса.

Хотя Цуна давно привык к беспардонным манерам своего гостя, ему чертовски хотелось съязвить. Сдержав этот порыв, он перевёл уважительный взгляд на бывшего полковника.

— Поразительно, господин Жид. Как вам удаётся мгновенно угадывать и находить именно то, чего Камилле хочется больше всего на свете?

В его тоне сквозила скрытая угроза. Дело в том, что Камилла питал слабость к красивому пламени, которое умел призывать Цуна, и потому часто заглядывал к нему развлечься. Вот и теперь, едва «возродившись», он первым же делом примчался к нему.

И это притом, что они находились не в главном штабе Вонголы, а в богом забытом временном филиале. То, что Андре ухитрился выследить их и явиться без промедления, изрядно задевало самолюбие молодого босса.

В открытом бою Жид не продержался бы и минуты против Цуны, который ещё подростком уберёг мир от гибели. Впрочем, бывший наёмник и не думал нарываться на неприятности. Его волновало лишь одно — быть рядом со своим божеством.

— Вы преувеличиваете, Десятый, — спокойно ответил Андре. — Я всего лишь следовал за аурой моего Господина. Не явись он сюда, я бы вовек не отыскал это место.

Цунаёши мягко улыбнулся, хотя в глазах его сквозила прохлада.

— Какая поразительная верность.

Для Камиллы эти преданные слуги мало чем отличались от безликой толпы. Он шёл куда вздумается, никого не предупреждая. Каждая его прогулка превращалась для «Мимика» в безумную погоню: они сбивались с ног, выслеживая его ауру, и мчались следом без сна и отдыха, лишь бы снова оказаться подле него.

И всё же на их лицах никогда не отражалось и тени обиды. Напротив, фанатики считали волю своего повелителя священной: Господин волен идти куда пожелает, а они — лишь назойливые слуги, дерзнувшие следовать за его тенью.

Их преданность была глубоко больной, извращённой. Им требовался не просто лидер, а живой бог — сосуд, способный вместить всю скопившуюся в них боль и отчаяние, символ искупления, обещающий покой после долгих мук. Обычный человек, окажись он под гнетом столь удушающей, яростной любви, давно бы сошел с ума или сломался.

К счастью, Камилла действительно являлся божеством, которому не было никакого дела до чужих душевных излияний. Пока ему исправно приносили еду, он благосклонно терпел их присутствие хоть круглые сутки. А уж сумеют ли они за ним угнаться — это оставалось их личной заботой. Классический случай, когда один упивается покорностью, а другие — сладким бременем служения.

Тем временем сам А-Эр, сидевший напротив Цуны Савады, мысленно проклинал всё на свете.

Едва завершив полное слияние миров Кадзумы Арааки и Сидзуки Годзё, он на полной скорости переключился на тело Камиллы.

Теперь его главной задачей было воссоединить это воплощение с двумя другими своими ипостасями.

Само по себе дело нехитрое, однако А-Эр то и дело спотыкался о дикий хаос бушующих в этом теле первобытных импульсов.

«Вкусно! Весело! Ещё! Хочу играть! Хочу жрать! Весело-весело-весело!..»

Необузданная жажда удовольствий буквально парализовала разум, даря ощущение невесомости. В ушах настойчивым шёпотом звенели сотни голосов, призывавших наплевать на долг и просто развлекаться.

Голос воображаемого беса нашептывал: «Иди развлекись, забудь про тех двоих». А воображаемый ангел возражал: «Ну как же так? Сначала нужно сожрать другие свои половины, а уж потом предаваться безудержному веселью!» Бес изумлялся: «Да ты ещё хуже меня». Ангел лишь хихикал в ответ.

Это воплощение олицетворяло его дикую, звериную ипостась. Камилла почти не умел мыслить здраво и всегда шёл на поводу у мимолётных капризов.

Оставалось лишь радоваться, что это тело, строго говоря, было бесполом. У него напрочь отсутствовали репродуктивные органы. Конечно, учитывая его способность изменять плоть как вздумается, А-Эр мог бы вылепить себе любую анатомию, но ему было попросту лень. Без полового влечения жилось куда проще. Будь он истинным диким зверем, его бы сейчас наверняка накрыл период гона, и он бы изнасиловал половину этого мира. От одной только этой мысли становилось не по себе.

Да и человеческая женщина физически не смогла бы выносить его плод — несчастную разорвало бы изнутри ещё задолго до родов. Реши он обзавестись потомством, вынашивать дитя пришлось бы самому. Но младенец стал бы обузой для его вечных игр, а значит, новорожденного кроху Камилла, скорее всего, придушил бы в первые же минуты жизни.

Так что стоило в очередной раз поблагодарить судьбу за отсутствие у этого аватара инстинкта размножения.

К тому моменту как А-Эр умял всю птицу, перепачкав пальцы жиром, в дверях показался Реборн.

Проклятие Аркобалено давно было снято. Поскольку его тело развивалось заново, сейчас бывший киллер выглядел даже моложе Цуны — юношей лет девятнадцати, почти ровесником

Камиллы.

Его прежние круглые глаза-бусины сменились пронзительным, хищным разрезом век. Этот взгляд — одновременно притягательный и ледяной — так и лучился ядовитым сарказмом.

Едва Реборн переступил порог, А-Эр, не раздумывая, ткнул в его сторону средним пальцем.

Реборн презрительно усмехнулся:

— Дурная трава не сохнет. Даже смерть тебя не берет — опять притащился.

— Куда мне до тебя, старый пакостник, — огрызнулся Камилла.

Камилла всегда воспринимал детей исключительно как игрушки, причём предводителем в этих забавах желал быть только сам. Много лет назад, впервые столкнувшись с младенцем-Реборном, он тут же попытался сделать киллера своим пажом, на что незамедлительно получил хлёсткий отказ.

С тех пор они цапались при каждой встрече.

Посторонние люди, не знавшие истинной сути А-Эра, холодели от ужаса, наблюдая, как этот наглый юнец дерзит первому киллеру подпольного мира, и всерьёз опасались, что парня придушат прямо на месте.

А-Эру же было плевать на любые авторитеты. Он бы и самому господу богу показал два средних пальца. Впрочем, если учесть, что местным всевышним являлся он сам... что ж, тогда претензий не было.

Тем временем Андре раскрыл неизменный походный саквояж, в котором хранил личные вещи «господина Камиллы», достал антисептик и принялся бережно, палец за пальцем, оттирать ладони А-Эра от жира, после чего промокнул его губы салфеткой. Ловкость, с которой он это делал, лишила бы дара речи любого непосвящённого.

Но Цуна и Реборн даже глазом не повели — слишком привыкли к этому фарсу.

Перекинувшись парой дежурных колкостей, мужчины перешли к делу. Разговор зашел о заговоре. Несколько лет назад Камилла погиб именно из-за тайной организации, претворявшей в жизнь так называемый «Проект по убийству Бога».

Камилла не был неуязвим. Он мог принимать любые формы, однако глубоко внутри него таилось крошечное ядро — некое подобие сердца. Стоило пробить его, и материальный аватар мгновенно развеивался прахом.

В первом раунде врагам удалось нащупать эту слабость, из-за чего А-Эра бесцеремонно вышвырнуло обратно за экран монитора.

Теперь, когда он снова обрёл плоть, первоочередной задачей стало вычисление всех причастных к тому злосчастному проекту.

Правда, самому А-Эру было глубоко наплевать. Он даже забыл про финал игры, который так отчаянно пыталась приблизить его ипостась в мире Сидзуки Годзё. Сейчас им правила лишь жажда сиюминутных удовольствий.

Да и триумвират Савады, Реборна и Жида стремился сорвать планы заговорщиков вовсе не из альтруизма.

Камилла ещё давно предупредил их: если око в небесах закроется, вселенной настанет конец. И действительно — если Игрок по ту сторону экрана потеряет интерес или исчезнет, этот мир попросту превратится в мёртвый, заброшенный файл сохранения.

Гибель физической оболочки не вредила сущности Игрока напрямую, но раздражала. А если аватар станетдохнуть на каждом шагу, А-Эр у монитора мог со скуки свернуть окно и забросить прохождение.

Сам он не мог поручиться за действия своего истинного «я» — контролировать волю Игрока за пределами виртуальной реальности было выше его сил.

И всё же нашлась кучка безумцев, свято верящих, будто убийство аватара сокрушит вселенную, а другие надеялись таким образом спасти человечество. В чужую голову не заглянешь.

Внезапно А-Эр, лениво скользивший взглядом по облакам, наткнулся на устремлённый сверху золотой зрачок. Огромное око в небе смотрело прямо на него.

Он прыснул со смеху, почувствовав такой прилив чистого, ребяческого восторга, что едва не пустился в пляс прямо на диване.

«Какая потеха случилась бы, узнай они, что в первый раз я подставился нарочно...»

Врагов, жаждущих его кончины, хватало с избытком, да и заговор зрел нешуточный. Но к концу первого раунда его голод стал практически неуправляем. Камилла пожирал всё подряд, угрожая превратить обитаемый мир в шведский стол, и смерть аватара оставалась единственным способом уберечь вселенную от его же собственных челюстей.

Та всепоглощающая пустота, что жгла его желудок и выворачивала мозг наизнанку, едва не заставила его сжевать само бытие.

Как утолить этот вечный, сводящий с ума голод?

Пожалуй, ответ один: пришла пора сожрать оставшиеся две свои половины.

<http://bllate.org/book/18335/1760515>